

Бог и человек у Гераклита Эфесского

Гераклит постоянно говорит о, казалось бы, взаимоисключающих вещах. Более того, эти предметы не просто становятся отдельными объектами его внимания — они соединяются у него во взаимоотноиславливающих связках. Сверх этого, только такие будоражающие читателя конструкции оказываются единственными смыслообразующими для него. Гераклит пытается отыскать в языке слова, выражающие эту противоречивую природу вещей, единство противоположностей. Гераклит употребляет слово «бог» как синоним «логоса», он стремится представить логос как такое всеобщее в мире, которое заключает в себе единство противоположностей. Бог у Гераклита не есть нечто индивидуальное и единичное (потому что логос не хочет называться именем Зевса как такового, но называется им как принципом (/32DK)), он (логос, бог) в качестве всеобщего в мире воплощает единство всех противоположностей (77/67DK).

Привлекает внимание появление во фр. 77/67DK слова «война». Война (*полемика*) является одним из ключевых понятий у Гераклита. Употреблено ли здесь «война» как общефилософская идея борьбы, или же в обычном смысле военного сражения? Поскольку Гераклит говорит что «война — отец всего» (/53DK) и что «война всеобща» (/80DK), надо полагать, что речь идет здесь о войне как о варианте жизнедеятельности. Во всеобщем же смысле эта война сама находится в войне с миром, как со своим дополнением. По-русски это можно передать так: война и мир находятся в имплицитной полемике. Еще одним аргументом в пользу того, что мы имеем дело с расхожим значением *πόλεμος* служит наличие рядом пары зима–лето. Зима и лето — противоположности, но они не носят всеохватывающего значения, ведь есть еще осень и весна.

Что касается огня (о котором говорится в 77/67DK далее), то он представляется формой воплощения бога (логоса). Недаром Гераклит говорит, что «на огонь все обменивается, и огонь на все» (/90DK). Именно огонь, среди наглядно воспринимаемых проявлений реальности, наиболее подобен всеохватывающему и внутренне сражающемуся принципу бытия. Бог претерпевает изменения как огонь. Но не будь огня, не было бы никакого аромата. Огонь является потенцией, благовоние же материалом. Так и во всем — логос пронизывает все существующее, и оно воспринимается нами в своем многообразии. При этом, во-первых, у всего одна природа (борьба противоположностей) в смысле того, что позволяет всему быть; а во-вторых, представление обо всем является (не более и не менее) восприятием результата «оживления» логосом самих по себе мертвых противоположностей. Антитетичность мышления по Гераклиту коренится в схемах описания мира, находящихся в генетической связи с поэзией мифа. Но Гераклит усилил характер известного ему языка, вводя все новые и новые противопоставления. Список их (в отличие от фиксированной десятки противоречий у пифагорейцев) остается у него открытым. Однако, разомкнутость набора антитез Гераклита не означает, что вещи переходят друг в друга произвольно. Логос требует взаимной трансформации в рамках противопоставлений. Другое дело, что объем противопоставлений не ограничен.

Гераклит показывает динамический характер единства мироздания и его принцип (логос) показывая не только противоположности как составные части всего. Он говорит и об отношениях к одной вещи (/61DK). Нечто оказывается полезно одному, но вредно другому. Так каково оно — хорошо или плохо?! Для бога (логоса) все противоположные оценки предельно релятивизируются. Для него все есть хорошо (91/102DK). В гармонии логоса нет места человеческим пристрастиям (ничтожность этих пристрастий можно видеть даже в расхождении мнений самих людей, но это требует отдельного рассмотрения). Природа вещей не может быть извлечена из их применения и конкретных обстоятельств, в которых они оказываются. По мере абстрагирования проявления реальности получают (обнаруживают) одинаковую ценность.

«Для бога все хорошо и добро и справедливо», поскольку логос имеет подход к каждой вещи, для каждого может найтись комплиментарность. Для массового сознания (мифология) все могло перейти во все, ничто само по себе не содержало критериев справедливости, отсюда эти критерии «выдумывались» людьми — «люди же одно поняли уместным, другое неуместным». Поэтому Гераклит так поносит Гесиода, не уяснившего, что «день и ночь — одно». У Гераклита для логоса нет нужды в волюнтаристском присваивании ярлыков правильного и неправильного — для всего конкретного есть его справедливое дополнение. Это надо понимать максимально общо — «*все справедливо*», так как фактически нет ничего самостоятельного, но все есть одно. Недаром текст идет сплошным набором слов: бог (логос) есть не день и ночь, а, скорее, день+ночь. Все существующее правильно в своей сути, так как оно есть. Это уже для людей нет иной возможности понимать все, кроме как через его проявления в противоположностях. Однако можно выйти от частного к единству и далее к логосу, как принципу единства.

Гераклит критичен к человеческим способностям в области философского понимания, отчасти по причине горького опыта. Вокруг себя он видит только произвольное, религиозно-мифологическое задание смыслов действительности. Отсюда следует, что человеческое устройство не являет нам способности непосредственно определять принцип мироздания (90/78DK). Кажется, что здесь идет речь именно о божественном как принципе (логосе) и о человеческом как проявлении, нежели о противопоставлении бог-человек, в смысле день-ночь. Понимание целого (логоса) затруднено для человека, поскольку сам по себе человек есть одно из многих проявлений бытия. В случае человека это проявление «осложняется» (само)рефлексивной способностью. Это несомненно помещает человека в особую ситуацию, но нисколько не снимает необходимости принятия в себя божественной универсализирующей способности, которая оживотворяет и делает подлинным любое существование¹. Для бога же (логоса) понимание есть собственный принцип. Логос для всего «знает» справедливое дополнение.

---

¹ Нельзя не провести в этой связи параллель с новозаветной идеей новой жизни во Христе (напр. классическое 2Кор. 5:17) или с экзистенциалистским требованием подлинного бытия /существования/ (особенно явно в *Dasein* Хайдеггера).